

Владислав Ходасевич. Перед концом.

Источник: Возвращенный мир. Том 1. М.: Русский мир, 2004, стр. 593-597.
По тексту издания: Ходасевич В. Книжки и люди, М., 2002. С. 469-473.
Электронная версия: В. Есаулов, 6 октября 2005 г.

Статья М. А. Алданова "О положении эмигрантской литературы" (в последней, 61-й, книжке "Современных Записок") заставляет вернуться к теме, которой не раз я касался на этих страницах, но о которой вообще говорить не любят, - кажется, именно потому, что она слишком важна, а главное - не допускает излюбленной отговорки нашей: "мы тут бессильны". О будущей мировой войне любим мы говорить часами - всласть. Нам доставляет даже сугубое наслаждение - пророчить неминуемую и близкую всеобщую катастрофу, потому что после таких пророчеств очень красиво выходит - пожать плечами, сказать, что "мы тут бессильны", и идти спать с видом скованных Прометеев. Вопрос же, о котором идет речь, - наш, только наш, только от нас ожидающий разрешения - или неразрешения. Неприятный вопрос.

Говоря о бедственном (я бы его назвал ужасающим, предсмертным) положении нашей литературы, Алданов видит главную причину ее несчастья в обстоятельствах материальных: "Она прежде всего и больше всего страдает от бедности - не в каком-либо фигуральном, духовном смысле слова, а в житейском, самом обыкновенном и очень страшном".

С этими словами невозможно не согласиться, хотя они и требуют оговорки: настоящую, действительную, отнимающую силы бедность испытывает лишь молодая, начавшая свою деятельность в эмиграции литература. Но она-то и есть единственный залог нашей литературной будущности. Сохранить или погубить ее - значит сохранить или погубить эмигрантскую литературу вообще. Другой вопрос - может ли и хочет ли эмиграция спасти свою литературу, и если хочет, то как это сделать. Но не подлежит сомнению, что для этого прежде всего надо победить бедность. Однако вот тут, с этого главного пункта, в котором я глубоко согласен с Алдановым, начинается и некоторое наше с ним расхождение.

"Неприятно подходить к сложному явлению "грубо". Мне приходится это сделать..." Начиная статью такими словами, Алданов как бы извиняется за то, что намерен говорить о литературе со стороны материальной. Его смущение, разумеется, напрасно: литература имеет свою профессиональную сторону, которая на нее порой оказывает глубокое влияние. Современный писатель, даже и не только эмигрантский, жив доходами от своих писаний, а не от "деревенек". Мне даже кажется, что статья Алданова страдает не "грубостью" (которую, впрочем, он сам заключил и кавычки), а напротив того - излишнею осторожностью. Он совершенно прав, усматривая главную причину литературного нашего неблагополучия в бедности. Но дело все в том, что бедность - причина ближайшая, непосредственная, воздействующая на литературу лишь механически. Есть другая причина, еще более главная, если так можно выразиться, - причина основная, от которой и сама бедность проистекает. Этой причины Алданов не пожелал коснуться.

По Алданову выходит все очень грустно, но очень прилично: эмигрантская литература гибнет от бедности, потому что бедна эмиграция. Я думаю, что дело обстоит еще более грустно, потому что гораздо менее прилично: материальное неблагополучие нашей литературы есть следствие нашего неблагополучия культурного.

Я когда-то уже писал, что наш книжный рынок (а за ним - авторы книг) погибает от того, что эмиграция почти без остатка делится на три категории людей: на тех, кто покупать книги не хочет и не может, на тех, кто хочет, но не может, и, наконец, на тех, кто может, но не хочет. В существующем положении вещей виноваты, конечно, эти последние. Не следует утешаться мыслью, будто их все равно слишком мало для поддержания нашей книготорговли, как не следует уверять голодных эмигрантов, будто эмиграция чуть ли не вся состоит именно из голодных. Нет, в эмиграции есть очень значительный слой людей если не богатых, то более или менее зажиточных. Один этот слой, если бы он ощущал внутреннюю потребность в книге, мог бы поглотить всю нашу небольшую книжную продукцию. Он этого не делает. В элегантных эмигрантских квартирах (а их очень много) книжный шкаф или хотя бы книжная полка - редчайшая вещь. Русские книжные магазины пустуют, тогда